

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

особистості, базованої на принципах всезагальної культури. А це означає, що рух повинен розпочинатися і розвиватися не від різноманітних зовнішніх політичних змовин і декларацій, а від щиросердних особистісних, народних, творчих об'єднань діячів національної культури. Адже від стану української національної культури багато в чому залежить, а в майбутньому, ми в цьому глибоко переконані, ще більше буде залежати, розвиток майбутньої цивілізації. І це буде саме так!

ЛІТЕРАТУРА

1. Пазиніч С. М. // Я-простір у системі креативної педагогіки. Наукові праці / Микол. держ. гуманітарний ун-т ім. Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія». — Миколаїв, 2003. — Вип. 15. : Педагогічні науки. — С. 78–88.
2. Рибалка В.В. Честь і гідність особистості як предмет діяльності практичного психолога. – Київ: «Шкільний світ», 2010. – 126 с
3. Бикар П. Фредерик Жолио-Кюри и атомная энергия. - М., 1962. – 148 с.
4. Б.Рассел. Людське пізнання, його сфера і межі. — Ростов-на-Дону «Феникс»: 2007. — 272 с.

Pazinich S. N. Philosophy of Communication in the Sphere of Society Cultural Development.

УДК 101

Петрушов В.Н.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ РАЦИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Стаття присвячена конкретизації, розробленої автором концепції інтегрального раціоналізму стосовно проблеми людського існування. Орієнтований з самого початку на всебічне пізнання світу, інтегральний раціоналізм покликаний сформулювати таке мислення у людини, яке відрізнялося б не лише толерантністю до різних світоглядів, але й допомагало б вихованню у неї високої культури спілкування, виходячи з уміння вести конструктивні філософські наукові і релігійні дискусії у публічній формі.

Ключові слова: інтегральний раціоналізм, людське спілкування, культура спілкування.

Статья посвящена конкретизации, разработанной автором концепции интегрального рационализма применительно к проблеме человеческого общения. Ориентированный на всестороннее познание мира интегральный рационализм призван сформировать такое мышление у человека, которое отличалось бы не только толерантностью к разным мировоззрениям, но и способствовало бы воспитанию у него высокой культуры общения, исходя из умения вести конструктивные философские, научные и религиозные дискуссии в публичной форме.

Ключевые слова: интегральный рационализм, человеческое общение, культура общения.

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

The article is devoted to the specification of the integral concept of rationality, applied to human communication developed by the author. Initially focused on the full knowledge of the world an integral rationalism is intended to form such a thinking of human, which would be not only tolerant to different worldviews, but also contributes to education had a high culture of communication based on the ability to conduct constructive philosophical, scientific and religious debate in a public form.

Key words: *integral rationality, human communication, culture of communication.*

Современный мир воспринимается многими людьми не как ареал благополучного существования, не как «дом бытия», располагающий к откровению и общению, а как платоновская «пещера», диктующая человечеству некие правила выживания: та же «игра теней» вместо сущностей, но уже в виртуальной реальности вместо пещерных сводов, та же иллюзия свободы в свете «идей», но теперь уже воплощаемых не в эйдосах, а в современной пайдейе, которая по смыслу совпадает с платоновским значением руководства к изменению всего человека в его существе. Самый эффективный путь изменить человека в его существе состоит в его образовании, показывающем «человеку образец, по которому тот организует свое действие и бездействие» [1, 349]. Греческой этимологии пайдейи Хайдеггер соотносит актуальное слово «образование», противопоставляя его апайдевсии- необразованности. В наши дни последняя уже не выглядит примитивной безграмотностью (хотя не редки случаи неумения читать, писать и считать), в крайних ситуациях можно вести речь о компьютерной безграмотности, однако расхожими представлениями о необразованности являются интеллектуальная ограниченность, непрофессиональность или же некомпетентность. Но практически не упоминается такая особенность апайдевсии, как низкая культура человеческого общения, а то и полное ее отсутствие. А ведь речь, манеры, этика поведения, ролевое позиционирование в современном обществе настолько удалены от эталона образованности, что порой возникает мысль о закате эпохи просвещения. И все же: «Век образования идет к концу не потому, что необразованные приходят к власти, а потому, что становятся видны знамения такой эпохи мира, когда достойное вопроса снова откроет двери к существованию всех вещей и судеб» [1, 349].

На наш взгляд, «становятся видны знамения такой эпохи мира», в которой произойдет смена образовательного идеала. Ведь разъясняющая сила «притчи о пещере» сосредотачивается на том, чтобы через наглядность рассказанной истории сделать зримым и познаваемым существо пайдейи. Платон хочет показать, что ее существо не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и изменяет саму душу и в целом, перемещая сперва человека в место его существа и приучая к нему. Исторически происходят образовательные и социальные процессы в обществе, которые метафорически можно сравнить с «пребыванием в пещере», «выходом с пещеры на поверхность к свету», «возвращением в пещеру», «борьбой освободителей с пленниками пещеры, не желающими ее покидать». После «выхода с пещеры на поверхность», ознаменовавшего советскую образовательную систему, ныне мы наблюдаем «возвращение в пещеру», в которой образование перестало соответствовать идеалам знаний и высокой культуры. Очевидно, что «реформаторам» сферы образования явно не удастся осмыслить фундаментальную истину, состоящую в том, что: «Выработка всеобщего образовательного идеала и его господство предполагают не стоящее под вопросом, во всех направлениях обеспеченное положение человека. А это условие со своей стороны должно иметь своей основой веру в непререкаемое могущество непоколебимого разума и его основоположений» [1, 349]. Хайдеггер хорошо знал, о чем писал, имея опыт ректорства в университете Фрейбурга. К сожалению, «во всех

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

направленнях обеспеченное положение человека» в нашей стране «стоит под большим вопросом», а «вера, а непререкаемое могущество непоколебимого разума» уже не столь сильна, поскольку спасение ищем в «апологии иррационального» и «метафизике богатства». Что ж, свобода осмысления эпохи призвана вскрыть тайны бытия, но когда философия «власти и денег» лишь подпитывает государственную идеологию «борьбы с бедностью» (слово-употребление, имеющее странный контекст, если учесть существующее социальное расслоение в украинском обществе), тогда «основоположения непоколебимого разума» сами по себе приходят в состояние саморазрушения. Когда же разум умолкает, человеческое общение становится проблематичным, ибо каждый слышит только то, что хочет услышать, а говорит только видимое на «бегущей строке» (собственные мысли же подчинены глубоко упрятанным интересам). Общение между людьми в таких условиях перестает быть средством «диалогизации общества» и уже тем более - средством его сплочения и консолидации. Когда в государстве ведутся бесконечные споры о языке общения, о формах национального самовыражения, о приоритетах культурной идентификации личности, становится понятным, что проблема общения не решается в духовно-интеллектуальном ключе, а «заговаривается» во имя достижения сомнительных политических целей.

Культурно-исторический опыт плодотворных исканий форм и содержания общения на достаточно высоком духовно-интеллектуальном уровне подсказывает базовые источники возникновения и развития различных коммуникативных направлений в жизнедеятельности людей, в которых их повседневные и возвышенные интересы переплетаются самым тесным образом. Философия, наука и религия - вот тот круговорот мысли, в котором рождается ментальная потребность человека произнести свое весомое слово и быть услышанным. Только творчески думающая личность способна одновременно экзистировать (передавать чувства), анализировать (находить решение в диалоге с окружающими) и трансцендировать (обращаться к вере в божественную сущность мира). По-настоящему образованный человек способен выстраивать рационально отношение к действительности в таком стиле мышления и мироощущения, при котором разум, вера и софия (здесь слово софия «...означает вообще ориентировку в чем-либо, какую-то понимающую умелость... Эта ориентировка не совпадает с простым обладанием знаниями... Эта софия сама по себе есть привязанность и дружественное расположение (филия) к «идеям»... София вне пещеры есть фило-софия» [2, 497]) пребывают в непрерывном диалоге друг с другом, являя тем самым пример креативного, совершенного общения. Такого рода интерсубъективность, развиваемая в личностном и межличностном планах, нашла свое выражение в концепции интегрального рационализма [3, 165-166]. Изначально ориентированный на всестороннее познание мира, интегральный рационализм призван сформировать такое мышление у человека, которое отличалось бы не только толерантностью к разным мировоззрениям, но и способствовало бы воспитанию у него высокой культуры общения, исходя из умения вести конструктивные философские, научные и религиозные дискуссии в публичной форме.

Но в каком состоянии пребывают сегодня сами философия, наука и религия, способны ли они в действительности к тесной интеграции, чтобы стать питательной почвой для формирования гуманных человеческих отношений в современном обществе?

Прежде всего, обратимся к оценке философии. Традиционно человек постоянно пребывает в поле зрения философской мысли: «Начало метафизики в мысли Платона есть одновременно начало «гуманизма». Соответственно, «гуманизм» означает тот смыкающийся с началом, разворачиванием и концом метафизики процесс, что человек в разных аспектах, но каждый раз со своего ведома, выдвигается в середину сущего...

Дело все время идет о том, чтобы в области закрепленной метафизической основополагающей структуры сущего привести определяемого отсюда «человека»,

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

animal rationale, к освобождению его возможностей, к уверенности в своем предназначении и к обеспечению его « жизни » [2, 498].

Является ли философия культурным достоянием всего человечества? Безусловно, да! Вошла ли философия в умы правителей мира сего? Есть подозрение, что нет (обратим внимание на реплику Хайдеггера о том, « что необразованные приходят к власти », процитированной в начале статьи). Ныне господствующие императивы далеки от нравственных ценностей, во всех сферах человеческой жизни доминируют материальные ценности: ресурсы, деньги, благосостояние, богатство и т.д. Философия же в этом смысле бесприбыльна и « освобождение возможностей человека » она обеспечивает иным образом: « Это происходит как выработка « нравственной установки, как спасение бессмертной души, как развитие творческих сил, как воспитание разума, как культивирование личности, как пробуждение общественного сознания, как дисциплинирование тела или как соответствующее сочетание некоторых или всех этих « гуманизмов ». Каждый раз происходит метафизически очерченное кружение вокруг человека по более тесным или более широким орбитам » [2, 498].

Следовательно, чтобы философия стала предметом широкого общения, она должна быть донесена до разных слоев населения публично, доступно и главное - умело. Ведь в недалеком прошлом имелся наработанный опыт чтения лекций и проведения бесед на философские темы лекторами из групп известного общества « Знание ». Интерес к таким встречам в самых различных аудиториях был живым и неподдельным. Возражение против самой идеи такой формы общения несостоятельны уже лишь потому, что предлагаемый взамен интернетовский поток информации « умерщвляет » эмоционально-чувствительную атмосферу совместного присутствия лектора и слушателей. Заметим, что это отнюдь не ностальгия за прошедшими временами, а предостережение нынешним идеологам-реформаторам в их безумной поспешности отказаться от всего полезного, только потому, что оно носит печать исторического прошлого. Последуем же правилу вникать в историю философии глубже поверхностных ощущений своей правоты только потому, что нам современность навязывает незрелость собственной « истины »: « Платоновское учение об « истине » поэтому не есть нечто прошлое. Оно - историческое настоящее, но это не только как историографически вычисленное « воздействие » известного учения, и не как его возрождение, и не как подражание древности, и не как простое сбережение наследия. То изменение существа истины есть настоящее как давно упрочившаяся и оттого еще не поколебленная, все властно пронизывающая основополагающая действительность, подкатывающей к своему новейшему Новому времени мировой истории земного шара » [2, 498- 499]. « То изменение существа истины », о котором здесь идет речь, есть изменение существа общения человека с миром в нынешнем « новейшем Новом времени »: человек перестал отвечать на « зов бытия », поскольку « Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех применениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа » [4, 270].

Конечно, чтобы выстраивать современную архитектуру общения человека в мире и с миром по хайдеггерскому проекту, нужны незаурядные духовные и интеллектуальные усилия, не уступающие тем, которые проявил сам автор проекта. Но человек так возвеличен мощью собственного разума, что видит и слышит в « природе бытия » только свой образ, свой голос. И это « само-видение » и « само-слышание » обрекает его на « покинутость бытием », на онтологическую несостоятельность и одиночество мышления. Поэтому, сбросив с себя гордыню всемогущества и обратив свой спасительный взор на угасающее бытие, человек сможет возродиться « вторым своим рождением » (Мамардашвили) в живом человеческом общении: « Чтобы человек мог,

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

однако, снова оказаться вблизи бытия, он должен сперва научиться существовать в безымянном просторе. Он должен одинаково ясно увидеть и соблазн публичности, и немощь приватности. Человек должен, прежде чем говорить, снова открыться для требования бытия с риском того, что ему мало или редко что удастся говорить в ответ на это требование. Только так слову снова будет подарена драгоценность его существа, а человечеству - кров для обитания в истине бытия»[4, 271].

Однако требование «научиться существовать в безымянном просторе», чтобы «ясно увидеть и соблазн публичности, и немощь приватности», вовсе не стоит на повестке дня. Для информационного общества, в котором публичность (жизнь на показ) для значительной части его индивидов есть «образ жизни» и способ «самоутверждения» - это нонсенс. Однако та же публичность не презентует фактическое положение дел и не является межличностным общением, раскрывающим предмет рассмотрения, по сути. Публичность призвана «создать имя», не раскрывая его в глубине замысла, поэтому в той форме, в которой ее подают масс - медийные средства, она есть «ложь навыворот», подчиняющаяся законам менцеологии (теории лжи). Люди же, вопреки своей разумности, упорно продолжают «верить» телевизионным и компьютерным лжеподобным метафорам изображения действительности, пребывая в гипнотическом состоянии иллюзорности восприятия «жизненного мира» и самовнушения неких правил поведения в нем.

Таким образом, философское видение проблемы общения в современном социуме открывает онтологическое противоречие между требованием бытия к человеку «научиться существовать в безымянном просторе» (т.е. вне навязываемых форм публичности,- авт.) и безудержным стремлением значительной части общества «создать себе имя» любой ценой, зарабатывая на этом, прежде всего денежный и публичный капитал. Такой путь коммуникативного развития есть путь нравственного опустошения и утраты человеческого достоинства.

И если человечество делает выбор в пользу этого пути общественного и личностного самоутверждения, то горизонты будущего цивилизации закрываются пеленой тупого эгоизма и всеобщего подчинения законам стадных инстинктов толпы.

В связи с этим возникает актуальный вопрос, почему ведущиеся философские дискуссии не вызывают в общественном сознании соответствующей переоценки утвердившихся форм «демократического вырождения» гуманного человеческого общения? Причин как минимум две. Первая: «Дело конечно не в фактуре философских учений. Тонкости их содержания в век мировоззрений никого по-настоящему уже не интересуют. Сила «философского учения» теперь в том, что оно как таковое обеспечивает для нового человечества необходимую метафизическую компетентность, санкцию на охват мирового целого [5, 313]. Нынешняя глобализация, утвердившись на планете в качестве нового мирового порядка на платформе « метафизической компетентности» (имперское мышление, приведшее к двум мировым войнам, иной компетентности не признает), санкционирована «на охват мирового целого» прежде всего экономическими интересами могущественных стран, в которых царит идеология «финансизма»: «...Можно ли в « денежном мире» жить в стороне от его главных, движущих сил и ценностей- финансов, собственности? А может, пришло время, когда деньги уже не инструмент, а та метафизическая сила, которая все остальное сделала инструментом - искусство, мораль, религию, политику, и, конечно, власть?»[6, 436]. Без тени лукавства и без всяких сомнений ответы на эти вопросы носят утвердительный характер. Поэтому философы, общаясь между собой и с широкой аудиторией, должны не столько рассуждать по - поводу их постановки, а сколько убеждать людей в том, что унизительно для человеческого достоинства избегать сопротивления современному рабству: «Смирным, прилежным, благожелательным, умеренным: таким вы хотите

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

человека? хорошего человека? Но чудится мне, это просто идеальный раб, раб будущего» [7, 146]. Впрочем, если философы сами снизойдут к состоянию идеального раба в ожидании олигархической щедрости, тогда действительно «пришло время, чтобы люди отучились переоценивать философию и оттого перегружать ее требованиями» [4, 305].

Вторая причина, почему общество не слышит философский голос, зовущий к здравомыслию в человеческом общении, таится в «социальной афазии», т.е. в системных нарушениях фонематической, морфологической и синтетической структуры собственной речи и обращенной речи, используемой на самых разных уровнях общения, что приводит к примитивизации мышления, не позволяющему воспринимать сложные философские проблемы современности (достаточно показательный анализ этого феномена можно найти в работах [8, 9]).

Таким образом, философия, обладая существенным коммуникативным потенциалом, не может его раскрыть и реализовать в полной мере в информационном обществе в силу ее неспособности преодолеть гипертрофированное представление о публичности, размывающей нравственно-этические границы между тем, о чем «...существенно подумать, следует ли сказать продумываемое, в какой мере сказать, в какой момент бытийной истории, в каком диалоге с ней и по какому требованию» [4, 305], и тем, что иначе как «игрой на публику» не назовешь. Тот, кто согласен на любую роль в подобной «игре» вполне заслуживает хайдеггерского эпитета «шут цивилизации» [10, 456].

Теперь рассмотрим некоторые коммуникативные аспекты современной науки. По мнению М.К. Петрова, «по типу деятельности наука принадлежит к общению, подчинена основным его правилам и закономерностям» [11, 115]. Сама же научная деятельность осуществляется в организационных формах «большой науки» - в коллективах, оформленных по проблемному, штатно-должностному, финансовому, административному и другим основаниям, которые разобщают тело науки как единую область общения и отрасли науки как частные области общения в изолированные очаги формальной и неформальной коммуникации. При этом ученый, несмотря на его «прописку» в том или ином научном коллективе на правах сотрудника, остается единственным и неустрашимым творцом в науке, которому при всем пиетете к коллективу, приходится все-таки быть ученым - вести себя по правилам творческого общения, принципиально отличающимся от правил организованной коллективной деятельности. На стыке интересов отдельных ученых и научных коллективов, межколлективных отношений возникает острая проблема открытости/ закрытости общения. Открытость (гласность) оказывает стимулирующее на творчество ученого влияние, порождает в науке дух соревнования и соперничества, поскольку любой ученый, чем бы он ни занимался, вынужден в условиях гласности допускать как нечто в высшей степени вероятное, что не он один занят проблемой, вынужден соревноваться с реальными или воображаемыми (заочными) соперниками.

Склонность к замкнутому, ограничивающему или даже исключаящему гласность научному решению проблемы исследований в немалой степени объясняется соревнованием национальных государств и систем по основаниям экономики, обороны, престижа, где первостепенную роль играет научно-техническая гонка, что и вызывает научный сепаратизм - стремление изолировать приоритетные отечественные достижения от попыток их заимствования чужими науками, устранить утечку информации, которой мог бы воспользоваться соперник. Этот вызываемый вероятностными соображениями практический ориентир на изоляцию, замкнутость, секретность распространяется на весь организационный скелет науки, превращает места творчества в места изоляции потенциально творческих людей. А поскольку современная научная политика развилась из патронажа, который стимулирует цели, а не интегрирует результаты, принцип

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

целевого стимулювання розповсюджується на всю організаційну структуру науки: учений во всіх випадках і на будь-якому рівні змушений доводити достовірність, актуальність, важливість своїх догадок і пропозицій. Які риси отримує така форма спілкування на публічному і кабінетних рівнях, догадатися не складно: від вражаючої містифікації наукового результату до просительного приниження перед чиновником. Слід зауважити, що з розглядуваною проблемою відкритості/ закритості спілкування в науковій середі тісно корелює методологічна проблема відкритої/ закритої раціональності, прийнятою науковим суспільством на парадигмальному рівні [12]. Віддаючи перевагу відкритій раціональності, В.С. Швырев пише: « Така раціональність, очевидно, передбачає творчість, свободу, максимальну мобілізацію всіх конструктивних душевних зусиль особистості, здійснювану, однак, в контексті міжособистісної роботи, процесу спілкування. І ця робота, це спілкування орієнтовані на пізнавальний ідеал можливо більш широкого, повного і глибоко пізнання реальності, постійної здатності встати в критико-рефлексивну позицію по відношенню до власним переконанням і переконанням під кутом зору відповідності реальності, в яку вписан, включений людина» [12, 104].

Відкритість/ закритість наукового світу в значущій мірі визначає плідність діалогу науки і суспільства. Недостатність і обмеженість його здатні викликати такі соціальні феномени, як « антинаука» [13, 26], «радіофобія» (страх перед ядерною небезпечністю)[14, 59], байдужість до екологічних проблем і інші. Однак уже зараз стає зрозумілим, що без тісного зв'язку науки і філософії, без сучасної світоглядної «картини світу» налагодити настільки необхідний діалог не представляється можливим. Складність же реалізації такого зв'язку полягає в тому, що загальнофілософський і загальнонауковий рівень культури населення країни помітно знизився внаслідок суттєвого погіршення благополуччя громадян, їх доступу до освітніх програм. Тим не менше, існує і позитивний досвід популяризації філософських і наукових знань серед широкого загалу, наприклад, «наукові фестивалі» в Львові, на яких всі зацікавлені можуть поспілкуватися з відомими ученими, науковою молоддю, побувати в майстер-класах доступного викладу і обговорення досягнень науки і техніки, подивитися на наукові експонати і різні конструкції.

І все ж саме наукова суспільність в значущій мірі повинна нести відповідальність за адекватне виступання діалогу в публічній формі. В особливості це стосується інформування широких прошарків населення про принципово нові досягнення в області науки і техніки, здатних суттєво змінити життя громадян: « Діло в тому, що наукові відкриття або зміст нових теорій часто преподноситься загалу як деяка сенсація, що негативно впливає на образ думки багатьох громадян, спотворює їх уявлення про життя і її цінності. Часто ця вина лягає на засоби масової інформації, але буває, що і відомі вчені дозволяють собі поверхневі популяризації або суб'єктивні інтерпретації і неадекватні екстраполяції. В наше час, коли наука виконує таке сильне вплив на думки і почуття громадян, чесні і морально виправдані шляхи поширення наукових істин набувають статус етичного імператива» [15, 34]. Найновіший «сенсаційний» випадок подачі наукової інформації - це освітлення функцій і функціонування «великого адронного колайдера», побудованого в Швейцарії. Безумовно, те, що його реальний запуск так і не відбувся, викликає у багатьох громадян скептичне ставлення до подібних проєктів. А ось можливе виникнення в час експериментів так званих «чорних дірок» і очікувані при цьому наслідки - викликали світовий суспільний резонанс. Винною тому виявилася несумісність думок відомих вчених, які свої теоретичні розбіжності вивели за межі лабораторій на

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

уровень шокирующих публичных заявлений. Где уж тут искать соблюдение «этического императива»...? Да и что движет людьми «высокой науки» в их взаимоисключающих высказываниях, пугающих обывателей? К сожалению, сама наука ответить не может.

Наконец проясним, что может дать обществу религия для решения сложной проблемы человеческого общения. Прежде всего, следует отметить, что все мировые религии в ближайшем будущем ожидают серьезные структурные изменения на общем демографическом фоне населения планеты: «Важнейшей тенденцией ближайших десятилетий является стремительное изменение структуры религиозных групп населения Планеты. Так, на временном интервале с 1980 по 2025 годы количество мусульман возрастет с 16,5 до 30%, христиан уменьшится с 33 до 30%, индусов – с 13,3 до 10%, буддистов – с 6,3 до 5%. Уменьшится также общее количество представителей других религиозных групп с 31,1 до 25%. Эти изменения приведут к необходимости поиска новых усилий толерантного сосуществование людей на Земле» [16,91]. Иными словами, религиозный консерватизм в плане ортодоксального отстаивания узкоконфессиональных интересов на сегодня исчерпал себя и таит в себе реальную угрозу перерастания в эпоху новых «религиозных войн». Вопрос лишь в том, какой политической «мантией» они будут покрыты. Трудно поверить в «миротворческую» (или даже «умиравотворящую») роль религии в обществе (скорее даже, в целом государстве), когда высшие церковные иерархи не могут договориться между собой о благе мирян. Ведь давно уже не секрет, что межконфессиональный диалог испытывает пока непреодолимые препятствия. При всем том, что в подавляющем большинстве священнослужители являются прекрасными ораторами, мастерами духовной речи, все чаще в контексте их выступлений (и даже проповедей) можно услышать ниспровергающий «инаковерие» мотив. О какой же тогда толерантности может идти речь? Очевидно, религии предстоит еще много преодолеть церковных распрей, чтобы обратиться к обществу в «чистоте своих помыслов и открытости души». Речь вовсе не идет о некой «религиозной безупречности», дающей основание абсолютизации «божественной веры» (светские пороки охватили церковные структуры во всех «грешных проявлениях», которыми страдает современное общество), но мы должны быть уверены в искренности тех, от кого исходит «глас божий». По крайней мере, это есть непременным условием открытости диалога в рамках концептуального замысла интегрального рационализма, к которому призывал еще Питирим Сорокин: «...Важнейшая для Сорокина идея принципиального гносеологического равноправия и культурной равноценности научного, философского и религиозно-мистического знания, которые все выступают, выражаясь языком поэта, золотыми спелыми плодами от древа духа» [17.42].

В действительности же современный интеллеktуал занимает исключительно удобную для него нишу общения – говорить только о том и ровно столько, сколько за это заплатят (так ведут себя писатели, ученые, эксперты, политологи и политики, все, кто хорошо знает «цену» интервью и так мало способен на сугубо человеческое общение). Поэтому в современных условиях, когда «процесс» «демократизации науки продолжается, хотя на деле, конечно же, он является подготовкой масс к восприятию или нужной для власти информации, или псевдонаучных знаний» [6, 469], интегральный рационализм может выступать в качестве того «общеобразовательного идеала», о котором говорил Хайдеггер. Насильственное слияние философии, науки и религии невозможно, оно бессмысленно, но возродить в себя человеческое достоинство в общении с равными по духу и уму, и, тем самым, «откликнутся на вечный зов бытия», – это удел каждого, кто философски осмысливает мир, научно его познает и верит в его Творца, чем и обретает свою новую сущность.

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Наука и осмысление/ Время и бытие: Статьи выступления.- СПб.: Наука, 2007.
2. Хайдеггер М. Учение Платона об истине/ там же.
3. Петрушов В.Н. Интегральный рационализм как методологична основа синтезу філософії, науки та релігії/ Проблема рациональности в кінці ХХ століття: Матеріали/ Харківських міжнародних Сковородинівських читань, Харків, 1998, а також Петрушов В.М. Європейський азогматизм і історико-філософська ретроспектива , сучасні інтенції. –Харків: УкрДАЗТ,2007.
4. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме/ Время и бытие: Статьи и выступления.- СПб.: Наука, 2007.
5. Хайдеггер М. Европейский нигилизм/ Проблема человека в западной философии: Сборник переводов. Общая редакция Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
6. Ильин В.В. Власть и деньги.- Киев: Книга, 2008.
7. Ницше Ф. К генеалогии морали (№ 356). Цит. по Хайдеггер М. «Европейский нигилизм»/ Время и бытие: Статьи и выступления.- СПб.: Наука, 2007.
8. Сватко Ю.И. Per aspera ad pacis или конфликты в области государственного вещания и государственного управления глазами классической риторики// Философия общения: Философия, психология, социальная коммуникация.-2009.-№1.
9. Білецький В.В., Душенко М.І., Качура О.Ю. дослідження логічних конструкцій у сучасній публічній риторичі// Наука, релігія, суспільство.-2008.-№4.
10. Хайдеггер М. Основное понятие метафизики/ Время и бытие: Статьи и выступления. -СПб.: Наука,2007.
11. Петров М.К. Гласность и организация деятельности ученого// Вопросы философии.-1992.-№6.
12. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры// Вопросы философии.-1992.-№6.
13. Холтон Дж. Что такое «антинаука»?// Вопросы философии.-1992.-№6.
14. Вирт С. Почему люди стали бояться реакторов?// Вопросы философии.-1992.-№2.
15. Агацуй Э. Ответственность – подлинное основание для управления свободной наукой// Вопросы философии.-1992.-№1.
16. Згуровский М.З. Закономерность течения системных мировых конфликтов и глобальные угрозы XXI столетия// Кибернетика и системный анализ.-2007.-№5.
17. Кордун В.А. Научное наследие Питирима Сорокина: проблема философского анализа// Наука, релігія, суспільство .-2008.-№4.

Petruchov V. N. Integral Rationality and the Problem of Human Communication.

УДК 133. 522.1

Остащук І.Б.

СИМВОЛ У ПРОЦЕСІ РЕЛІГІЙНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

У статті досліджується діапазон поняття символ, логіка символічного мислення, різниця між символом і знаком у процесі релігійної комунікації. Аналізується символічне як окремий замкнутий та динамічний текст, який виступає результатом й посиланням свідомості; філософська наповненість символу, що відрізняє його від знака, основна функція якого полягає лише у вказівці на щось.

Ключові слова: символ, знак, символічне мислення, зміст, форма, образ, релігійна комунікація.